

Гусева Ирина Ивановна

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ РАКУРСЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ СБЛИЖЕНИЯ

В статье анализируются основные тенденции сближения естественнонаучной и социально-гуманитарной сфер современной научной рациональности: отказ от методологии индуктивизма и "наивного реализма", тяготение к конструктивистской парадигме в различных её версиях, включение субъекта познания в онтологию научной теории, пересмотр представлений об объективности научного знания. Делается вывод, что микроанализ как природного, так и социального мира приводит к переформатированию онтологии и является эффективной стратегией исследования вновь открытых форматов "схватывания" реальности.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/18.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 6(68): в 2-х ч. Ч. 1. С. 74-78. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2016/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

6. Гугова М. Х., Текуева М. А. Женщина и война: проблема повседневного существования и ментальных изменений (историография, задачи и методологические подходы) // Вестник Дагестанского научного центра РАН. 2012. № 46. С. 77-81.
7. Зумакулов Б. М. Реабилитация балкарского народа: история, проблемы, решения. Нальчик: Эльбрус, 1998. 117 с.
8. История Дона и Северного Кавказа (1917-2000): учебное пособие / под ред. А. В. Венкова. Ростов н/Д: Изд-во Рост. ун-та, 2004. 383 с.
9. Кучукова З. А. Онтологический метакод как ядро этнопоэтики. Нальчик: Из-во М. и В. Котляровых, 2005. 312 с.
10. Сабанчиев Х.-М. А. Были сосланы навечно. Нальчик: Эльбрус, 2004. 160 с.
11. Шаббаев Д. В. Правда о выселении балкарцев. Нальчик: Эльбрус, 1994. 286 с.

ONTOLOGICAL EXPERIENCE OF DEPORTATION: GENDER ASPECT

Gugova Marina Khabasovna, Ph. D. in History, Associate Professor
*The Institute of Humanities Researches of the Kabardino-Balkarian Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences*
gugowa@mail.ru

Nal'chikova Elena Aniuarovna, Ph. D. in History, Associate Professor
Tekueva Madina Anatol'evna, Doctor in History
Kabardino-Balkarian State University named after H. M. Berbekov
elenalchik@yandex.ru; tekmad@rambler.ru

The purpose of the article is the study of the woman's experience of survival in the conditions of the ethnic deportation of the Balkarians during the Great Patriotic War. The gender approach to the investigation allows determining the boundaries of the extreme and everyday in the period of the enforced resettlement. The main conclusion is as follows: the authority's policy towards the deported peoples of the Caucasus – the execution of "ethnic anesthesia" – turned out to be inefficient due to the woman's practices of adaptation to new conditions of existence and their ability to preserve mental guidelines.

Key words and phrases: women; woman's daily routine; deportation; survival practices; North Caucasus; the Balkarians.

УДК 1; 165; 168

Философские науки

В статье анализируются основные тенденции сближения естественнонаучной и социально-гуманитарной сфер современной научной рациональности: отказ от методологии индуктивизма и «наивного реализма», тяготение к конструктивистской парадигме в различных её версиях, включение субъекта познания в онтологию научной теории, пересмотр представлений об объективности научного знания. Делается вывод, что микроанализ как природного, так и социального мира приводит к переформатированию онтологии и является эффективной стратегией исследования вновь открытых форматов «схватывания» реальности.

Ключевые слова и фразы: естественные и социально-гуманитарные науки; научная рациональность; стратегии микро- и макроанализа; конструктивистская парадигма; «наивный реализм».

Гусева Ирина Ивановна, д. филос. н., профессор
*Саратовский социально-экономический институт (филиал)
Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова*
iris212009@rambler.ru

ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНЫЕ И СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ РАКУРСЫ НАУЧНОЙ РАЦИОНАЛЬНОСТИ: ТЕНДЕНЦИИ СБЛИЖЕНИЯ

Научная рациональность во многом возникает из атмосферы времени, из «воздуха» культуры, на перекрёстке различных культурных устремлений. Встреча естественнонаучной и социально-гуманитарной культур мышления являет собой один из таких перекрёстков культуры. Как известно, граница между научным и ненаучным знанием является подвижной, скользящей. Граница между двумя территориями научной рациональности также является не жёсткой, раз и навсегда зафиксированной «демаркационной линией», но подвижной, время от времени пересматривающейся и меняющей свои конфигурации зоной.

Сегодня различия между двумя культурами мышления, когда-то считавшиеся незыблемыми, утрачивают свою хрестоматийность, императивность. В данной статье мы остановимся на тех тенденциях, которые, на наш взгляд, свидетельствуют о сближении двух сфер научной рациональности. Таким хрестоматийным, в частности, стало различие естественных и социально-гуманитарных наук по критерию объективности знания.

Как известно, ангажированность, ценностная нагруженность наук, изучающих человека и общество, считается чуть ли не их «первородным грехом». Собственно, социальные аналитики никогда и не отрицали этого, подчёркивая, как М. Вебер, что научная «объективность» отнюдь не тождественна отсутствию убеждений: «Качество явления, позволяющее считать его "социально-экономическим", не есть нечто, присущее ему

как таковому «объективно». Оно обусловлено направленностью нашего познавательного *интереса*, формирующейся в рамках специфического культурного значения, которое мы придаём тому или иному событию в каждом отдельном случае» [1, с. 281]. Поэтому и дисциплинарные разделения в этой сфере складываются не в соответствии с существующими и чётко зафиксированными границами в самой «реальности» – культурной, исторической, экономической, политической, – но в зависимости от проблем, которые мы считаем значимыми и которые позволяют нам выбрать ту или иную «точку сборки» этой реальности.

Но ведь и естественные науки расстались с классической трактовкой объективности в её прежнем патетическом понимании, восходящем к Аристотелю: подлинное знание – это знание о том, как обстоит дело с «вещами мира». Переход от классической рациональности к неклассической сопровождался глубинными трансформациями понимания объективности в науках о природе. Одна из версий этих метаморфоз в формулировке Е. А. Мамчур интерпретирует их как переход от *объективности* – установки на получение знания об объекте самом по себе – к *объективности* как получению знания, соответствующего действительности, но при этом последняя не рассматривается как совокупность объектов, она включает в себя наблюдателя.

На наш взгляд, постклассический ракурс в размышлениях о характере объективности в естественных и социальных науках задаёт К. Поппер. Оценивая как абсурдные представления о большей объективности позиции естествоиспытателя по сравнению с позицией представителя общественных наук, Поппер сосредотачивается на институциональных аспектах объективности. Он говорит о том, что стремление к объективности отнюдь не является индивидуальной характеристикой учёного, а представляет собой результат мощных институциональных механизмов функционирования науки: конкуренции, опоры на традицию, возможности публиковаться в различных конкурирующих изданиях, взаимоотношений научного сообщества с государственной властью.

Ещё одна особенность, которая традиционно приписывалась естественным наукам, в отличие от общественнознания, – это подход, который К. Поппер назвал «запутавшимся натурализмом», связанный с «мифом об индуктивном характере» этих наук. Суть этого эпистемологического «мифа» коротко состоит в следующем: сначала осуществляются наблюдение, измерение, сбор данных, а затем, с помощью индукции, происходит обобщение, формулирование теории. Но уже эйнштейновская революция в естествознании окончательно развеяла этот миф. О том, что физические понятия – свободные творения человеческого разума, которые неоднозначно определены внешним миром, много размышлял А. Эйнштейн. Как известно, он сравнивал исследователя с человеком, который хочет понять механизм закрытых часов: не имея возможности заглянуть «внутрь», он может нарисовать себе некую картину механизма, но никогда не может быть уверен в том, что его картина – единственная. Произошло изменение представлений о механизме возникновения научной теории. А. Эйнштейн подчёркивал, что теория, конечно, может быть навеяна опытом, но строится как бы «сверху» по отношению к нему.

В связи с «мифом об индуктивизме» К. Поппером был проанализирован интересный сюжет, основанный на параллели между естествознанием и социальными науками. Он говорит о том, что до Второй мировой войны место социологии в системе социальных наук было подобно месту теоретической физики в естествознании, а социальная антропология рассматривалась как одна из ветвей социологии, как социология примитивных обществ. Но потом это отношение перевернулось: «Социальная антропология перешла с положения прикладной специальной науки на положение основополагающей науки...» [4, с. 67]. Поппер даёт очень суровую оценку этой метаморфозе: «Победа антропологии есть победа мнимого наблюдения, мнимого описания и мнимой объективности, а потому лишь мнимого естественнонаучного метода. Это – пиррова победа, ещё одна такая победа, и мы утратим и антропологию, и социологию...» [Там же, с. 68].

Вообще, проблема дисциплинарного соотношения и сближения социологии и социальной антропологии неоднозначно интерпретируется в академическом сообществе. Не касаясь тонкостей, отметим, что их встречное движение, на наш взгляд, позволяет проследить значимые тенденции в эволюции стратегий наук, изучающих природу социального мира. Так, Н. Н. Козлова отмечает, что такие встречные процессы, как обращение антропологии к исследованию «развитых» обществ и интерес социологии к повседневным практикам, привели к формированию общего проблемного поля этих дисциплин. Конституирующей проблемой этого поля стала проблема производства и воспроизводства социального через индивидуальное. По существу, именно акцент на микрокурсе исследования порою делает невозможной «демаркацию между социологией и антропологией» [2, с. 17-18].

Одна из примет современной науки – расставание с «наивным реализмом». В естествознании эти процессы были «запущены» осмыслением парадоксов микромира, концепции относительности. Непросто приживалось в физической науке представление о том, что квантово-механическое явление – независимо от способа наблюдения и измерения – всегда включает в себя наблюдателя. Нельзя «перехитрить» квантовую неопределённость: наблюдение, выполненное кем-то, «по доверенности», в расчёт не принимается. В социально-гуманитарных науках отход от «наивного реализма» ассоциируется, в частности, с идеей отказа от «присвоения прошлого». Ставшая одним из «брендов» постмодернистской историографии, при всей неоднозначности отношения к последней мирового исторического сообщества, эта идея интерпретируется как отказ от «овеществления» прошлого, от взгляда на прошлое как на некую «законсервированную» реальность, которой можно овладеть.

Вообще, необходимость переосмысления классических трактовок истины придаёт особую актуальность параллелям между естественными и социально-гуманитарными науками. Так, например, автор серии работ по экономическому конструктивизму В. В. Попков обращает внимание на то, что в экономической теории до сих пор сохраняет прочные позиции подход, сформировавшийся в эпоху механицизма и опирающийся на так называемую корреспондентскую теорию познания. Последняя рассматривает мозг как приёмник информации. Кредо же конструктивизма заключается в том, что мозг не потребляет информацию, а производит её. Классическая парадигма рассматривает реальность как совокупность внешних объектов отдельно от человека; конструктивистская же делает акцент на производстве и воспроизводстве экономической «ткани»

социального универсума, удерживая в поле зрения рефлексивность агента экономических действий, которая является неотъемлемой частью «материи экономического» в такой интерпретации.

Связанная с уходом от «наивного реализма» тема подвижности, гибкости любых социальных структур, и экономической в частности, была задана феноменологическим поворотом в социальных науках и подхвачена микросоциологией в её различных ответвлениях. В микросоциологическом ракурсе социальная структура не является «скелетом» символического универсума – скорее уж она его эпифеномен: исследователя в первую очередь интересует, как она создаётся и переформатируется в процессе функционирования гигантской «фабрики значений», которой является социум. Этот подход опять же направлен против реификации, которая наиболее наглядно проявляется в том, что какие-то свойства социальной реальности предполагаются объективно существующими в реальном мире, подобно тому, как природные объекты реально существуют в мире физическом. В этой парадигме социолог рассматривает некие «объективные» характеристики социальной реальности как внеположные человеку и ищет возможности оптимизировать инструменты, необходимые для достоверного исследования. В качественной социологии, в микросоциологии предлагается принципиально иной подход: нужно, прежде всего, проблематизировать эту характеристику и найти её место в префигурации социального порядка, но не стремиться отыскать её в «реальности» как некую всегда пребывающую там константу.

В. В. Попков отмечает, что «в экономике имеются два “пространства”: мир энергетических взаимодействий (импульсов, потоков) и мир символических взаимодействий, связанных с разумом (мир смыслов и человеческих ценностей, в котором человеком порождаются различия и делается выбор)» [3]. Классическая модель делала акцент на материально-энергетической стороне экономических процессов, опираясь на модель «абстрактного “экономического человека”». Но для современных экономических концепций эта модель уже является «атавизмом» времён классического рационализма на естественнонаучном фундаменте. Так, психолог Д. Канеман стал лауреатом Нобелевской премии 2002 г. по экономическим наукам за «психологический прорыв» в экономической теории. Это связано с изменением образа человека – «персонажа» экономической теории. Было показано, что даже рациональное поведение человека не должно сводиться к набору инвариантов, его нельзя свести к полному приспособлению к среде. Базовые модели этого поведения зависят от многих факторов: от взаимодействия с условиями среды, от социальной памяти, от способности к обучению и т.д. и т.п. Д. Канеман и его коллеги в условиях управляемых лабораторных экспериментов показали, что конкретный человек с разнообразными психологическими характеристиками в условиях неопределённости может сделать выбор, не детерминированный рационально.

Если учитывать мир символических взаимодействий как законную и во многом конституирующую часть экономической реальности, то становится понятным, почему вещественно-энергетический субстрат этой реальности может «растягиваться» и «сжиматься» как время-пространство в теории относительности А. Эйнштейна: «Оказывается, в зависимости от положения наблюдателя, возникает разница в количественной оценке энергетических потоков, а, следовательно, и в расчете эффективности их использования» [Там же].

Эта идея резонирует с версией прагматического поворота в социологии, предложенной Л. Тевено и Л. Болтански. Проводя исследование в области экономики и социологии и будучи координатором различных исследовательских групп, Л. Тевено обосновал и применил в качестве рабочей методологии идею перехода от одного способа координации к другому, или, в более поздней его терминологии, от одного режима вовлечённости в другой: «...один и тот же индивид последовательно включается в рыночные трансакции, чётко отделяя себя от контрагентов и объектов, участвующих в этих трансакциях; затем использует доверительные традиционные отношения, связывая себя обязательствами согласно традициям и локальным нормам; наконец, приступает к выработке прогнозов о будущем, применяя различные технические средства. В результате мы наблюдаем постоянный переход из одного состояния в другое, обуславливающий качественную неопределённость, что мешает проведению чётких границ между различными мирами и чёткому детерминированию их системы» [5, с. 78].

Идея достижения компромисса между различными способами обоснования, различными режимами вовлечённости имеет вполне очевидный практический потенциал. Так, например, Л. Тевено рассматривает предприятие как механизм достижения компромисса между различными мирами. Эти идеи легли в основу созданного им нового научного направления – «экономики соглашений».

Сюжеты, связанные с переключением «режимов вовлечённости», подводят к ещё одной интересной аналогии между двумя сферами научной рациональности. И в естествознании, и в социально-гуманитарных науках переход от макро- к микроуровню анализа привёл к парадигмальным изменениям в методологии. Как известно, открытие микромира квантовой физикой привело к далеко идущим последствиям как онтологического, так и эпистемологического плана, не говоря уже о глобальном социальном контексте. Радикально изменились не только представления о природе, но и о самих возможностях и границах нашего познания. Учёные были вынуждены «демонтировать» прежнюю картину физической реальности и заново «собрать» её, поскольку пересмотру подверглись основные «несущие конструкции» классической модели: представления о пространстве, времени, материи, наконец, о том, что же такое «реальность» с точки зрения естествознания. Устоявшиеся понятия, экспериментальные и теоретические подходы оказались слишком «неуклюжими» инструментами при встрече с микромиром. Физики были поставлены перед необходимостью пересмотреть свои взгляды на реальность, наделив её чертами, очень далеко отстоящими от сферы непосредственного человеческого опыта. По выражению П. Девиса, новая физика привела к «крушению здравого смысла». Действительно, этот вновь открытый мир поражал своей парадоксальностью даже самих создателей квантовой теории. Чего стоит один только принцип неустранимой роли наблюдателя, сокрушивший основу основ классической науки, согласно которой познающий человек должен смотреть на мир, по словам Б. Рассела, как смотрел бы Бог!

Неудивительно, что многие гуманитарии в лице квантовой механики приветствовали именно эту субъективность, «просочившуюся» в фундаментальную науку о природе, какой была и остаётся физика. Получалось, что если в социально-гуманитарном знании невозможно освободиться от ценностей, идеологии, то и в естествознании теперь тоже нельзя «избавиться» от субъекта, особенно если его внимание направлено на другой структурный уровень материи, несоизмеримый с масштабами его тела.

Но, как нам представляется, «проникновение субъекта» в «святыя святых» естествознания – саму Физику, – безусловно, является важной, но отнюдь не единственной и, возможно, не самой значимой аналогией между естественными и социально-гуманитарными науками. На наш взгляд, переход от макро- к микроуровню анализа как в естествознании, так и в обществознании сопровождается реформативированием изучаемой реальности и приводит к открытию новых форматов «схватывания» этой реальности. Мы только что вспомнили, к каким принципиальным изменениям привело открытие микромира в физике. Рассмотрим, какие онтологические и методологические последствия имел переход к микроанализу социального мира.

Микроистория, микросоциология, микроэкономика – о чём свидетельствуют эти термины, уже прочно вошедшие в научный обиход? Дело в том, что в последние несколько десятилетий произошло реформативирование онтологии социального, онтологии культуры.

В 1970-е – 1980-е гг. резко нарастают процессы, в результате которых стало уже невозможно рассматривать знание как обезличенную реальность; начинает происходить персонификация социальности, опосредующей знание. В различных вариантах микросоциологии, микроистории, концепциях «социального мира» (А. Шюц), «конструирования социальной реальности» (П. Бергер, Т. Лукман), «социального действия», «коммуникативного действия» (Ю. Хабермас), «структуриции» (Э. Гидденс), «драматургической социологии» (И. Гофман) и т.п. произошла «легализация» индивидуальных форм социальности (В. Е. Кемеров) в онтологии социального универсума.

«Реабилитация» индивидуальных форм бытия социального возвращает ценность индивидуального в онтологию культуры. В фокус исследования попадает множество жизненных миров и индивидуальных траекторий. При этом именно отдельное, индивидуальное становится принципом, организующим социальную действительность, раздвигая рамки классической субъект-объектной парадигмы и формируя фундамент новой, постклассической рациональности. Стратегии исследования бытия индивидуального эпистемологически соразмерны отдельным, сингулярным началам, таким как ситуация, случай, индивид или вещь.

Рассмотрим, как работает эта смена ракурса исследования на примере микроистории. Методологический вызов микроисториков заключается в том, чтобы лишить прежней естественности или банальности механизмы агрегации и ассоциации, показать, как в результате непрерывного труда происходит их постоянное переопределение, выявить посреднический механизм между индивидуальным мышлением и коллективной идентичностью. При этом масштаб как характеристика изучаемых объектов не является предметом главного интереса для микроисторика. Здесь главное, что *уменьшение масштаба* или «применение микроскопа» в истории не просто локализация наблюдения, а возможность открыть механизмы конструирования воспроизводимых социальных порядков. Выбор микромасштаба даёт возможность реконструировать жизненные стратегии, видимые только с очень близкого расстояния. Применение исследовательской «оптики» такого плана становится актом деконструкции априорных социальных стратификаций.

Уменьшение масштаба в микроистории выступает, на наш взгляд, одним из важнейших средств исследовательской стратегии, которое позволяет через реконструкцию опыта индивида и локальных групп выйти на уровень объективации социального.

Аналогичные процессы наблюдаются в микросоциологии, в качественной социологии. «Репертуар возможностей» (В. Фукс-Хайнриц) различных жизненных вариантов, попадая в фокус исследования, позволяет избежать императивности дилеммы «типичное – индивидуальное». Репрезентируя разнообразие жизненных перспектив даже в рамках одной социальной системы, микросоциология даёт возможность увидеть и проанализировать многомерность архитектуры социального.

Таким образом, вопреки определённым стереотипам, в естественнонаучной и социально-гуманитарной сферах современной научной рациональности наблюдаются сходные тенденции. Это отказ от иллюзий индуктивизма и «наивного реализма», тяготение к конструктивистской парадигме в различных её версиях, включение субъекта познания в онтологию научной теории, пересмотр представлений об объективности научного знания.

Нам представляется принципиально важным, что переход от макро- к микроуровню анализа также демонстрирует сходные философско-эпистемологические тенденции в естественных и социально-гуманитарных науках. На наш взгляд, микроанализ как природного, так и социального мира приводит к реформативированию онтологии и применяет эффективные инструменты для исследования вновь открытых форматов «схватывания» реальности.

Список литературы

1. Вебер М. «Объективность» социально-научного и социально-политического знания // Вебер М. Избранное: протестантская этика и дух капитализма. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: РОССПЭН, 2006. С. 271-320.
2. Козлова Н. Н. Социально-историческая антропология. М.: Ключ-С, 1998. 156 с.
3. Попков В. В. Экономический конструктивизм: иной взгляд на корпоративное управление [Электронный ресурс]. URL: www.bogdinst.ru (дата обращения: 30.03.2016).
4. Поппер К. Логика социальных наук // Вопросы философии. 1992. № 10. С. 65-75.
5. Тевено Л. Множественность способов координации: равновесие и рациональность в сложном мире // Вопросы экономики. 1997. № 10. С. 69-84.

NATURAL SCIENCE AND SOCIAL AND THE HUMANITIES ASPECTS OF SCIENTIFIC RATIONALITY: CONVERGENCE TENDENCIES

Guseva Irina Ivanovna, Doctor in Philosophy, Professor
Saratov Socio-Economic Institute (Branch) of Plekhanov Russian University of Economics
iris212009@rambler.ru

The article analyzes the main tendencies of the convergence of the natural science and social and the humanities spheres of contemporary scientific rationality: renunciation from the methodology of inductivism and “naïve realism”, inclination to the constructivist paradigm in its various versions, the inclusion of the subject of cognition into the scientific theory ontology, the reconsideration of ideas about scientific knowledge objectivity. It is concluded that the microanalysis of both natural and social worlds leads to the ontology reformatting and is an efficient strategy of researching newly discovered formats of reality “grasping”.

Key words and phrases: natural, social sciences and the humanities; scientific rationality; strategies of micro- and macroanalysis; constructivist paradigm; “naïve realism”.

УДК 94(574, 575); 94(47)

Исторические науки и археология

В статье показана роль уральского (до 1775 года – яицкого) казачества в охране юго-восточных границ Российской империи в XVIII-XIX веках и в присоединении Средней Азии к России. Восстановлены последовательная хронология участия уральских казаков в тех походах, их особая роль и высокие боевые качества, позволяющие им по праву считаться лучшими в подобных кампаниях. Надёжная охрана протяжённого участка пограничной линии малыми силами также свидетельствует об их высоком воинском мастерстве.

Ключевые слова и фразы: яицкие казаки; уральские казаки; казахи; Нижне-Яицкая линия; линейная служба; крепость; форпост; реданка; треть; Хивинские походы; Ахалтекинская экспедиция; иканское дело.

Дубовиков Александр Маратович, д.и.н., доцент
Поволжский государственный университет сервиса
alex.dubovikov@yandex.ru

СЛУЖБА УРАЛЬСКИХ КАЗАКОВ НА ЮЖНЫХ И ЮГО-ВОСТОЧНЫХ РУБЕЖАХ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В XVIII-XIX ВВ.

Первыми походами в Среднюю Азию яицких казаков, которых с 1775 года стали именовать «уральскими» (не путать с оренбургскими), стали походы под руководством атаманов Нечая и Шама. Оба похода состоялись в начале XVII века и завершились трагически. Единственный источник – рукописи хивинского хана Абдул-гази Бахадура, содержание которых размещено в книге «Родословная история о татарах», изданной в Санкт-Петербурге в 1768 году, хотя предания о тех походах передавались казаками из поколения в поколение и раньше.

Поход Нечая имел место в годы правления хана Араб-Магомета, отца Абдул-гази. Казаки, захватив хивинских купцов, узнали от них, что хан кочует в пойме Амударьи и в Хиве его нет. Тогда казаки решили совершить набег на владения хана. Захватив город Ургенч, они взяли богатый «дуван», включая не только ценности, но и множество молодых женщин, загрузив множество телег. Изобилие трофеев затрудняло движение и позволило хану, собравшему большое войско, настичь противника. В итоге все казаки были перебиты.

Возможно, Абдул-гази допустил ряд неточностей, но, по мнению военного историка XIX века, генерала М. Н. Иванина, «несмотря на стереотипное число: 1000 казаков, 1000 арб и 1000 захваченных женщин, рассказу этому в общих чертах нельзя не верить». Также Иванин справедливо заметил, что в те годы казаки не имели постоянных семей: «Казаки, желая обзавестись женами, сделали набег на Хиву, пришли в Ургенч исправно, захватили много себе невест, и, если б не домогались об увеличении их приданого, то, может быть, благополучно возвратились бы домой» [8, с. 9].

В ходе второго похода (предпринятого вскоре) из-за плохой подготовки казаки даже не смогли дойти до хивинских владений. Они истратили всю воду и провиант, находясь в безводной и безлюдной полупустыне [1, с. 147]. После этого они уже не планировали подобных набегов.

В 1717 году 1,5 тысячи яицких казаков влились в 6-тысячный отряд Бековича-Черкасского, посланный в Хиву Петром I. Согласившись на переговоры, хивинцы разместили русских в своих жилищах и в первую же ночь коварно перерезали их. Вместе со своими подчинёнными погиб командир [9, с. 356]. Чудом спаслись единицы, среди которых Фёдор Емельянов и Михайло Белотёлкин, поведавшие о случившемся [Там же, с. 75, 79 (в Приложениях)].

В 40-е годы XVIII века началась линейная пограничная служба яицких казаков. В основном контроль осуществлялся над казаками, которых до 1925 года официально именовали «киргизами». В низовье Яика началось обустройство Нижне-Яицкой линии, на которой оборудовались крепости и форпосты [14, с. 295]. Они стали местами постоянного проживания казаков и их семей. Кроме того, между ними оборудовались дополнительные сторожевые посты («реданки» и «трети»), служившие для наблюдения за кочевниками.